

ГЛЕБ СТАШКОВ

ИНТЕРБРИГАДА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С78

Серия «Петербургская сторона»
Дизайн обложки: *Василий Половцев*

Сташков, Глеб Валерьевич

С78 Интербригада: Роман / Глеб Сташков.— Москва:
Издательство АСТ, 2015.— 315, [1] с.— (Петербургская
сторона).

ISBN 978-5-17-091068-7

Роман, победивший в номинации «Нонконформизм» литературной национальной премии «Рукопись года».

Протескная история о журналисте и пиарщике, вынужденном стать доктором Джекилом российской толерантности и мистером Хайдом русского национализма.

Главный герой, защищая свою девушку, совершает убийство. После чего получает редакционное задание разобраться в этом происшествии — и вынужденно ведет журналистское расследование преступления, совершенного им самим.

Впрочем, захватывающий сюжет лишь повод поразмышлять о безразличии и о праве сделать свой выбор. Об обстоятельствах, которые могут быть сильнее нас, и о нас, которые могут быть сильнее обстоятельств.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 27.07.15.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂ Усл. печ. л. 16,8.
Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

© Сташков Глеб, текст, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Предуведомление

Весь этот роман — вымысел. Любые совпадения случайны. Националистические речи произносят, пишут и думают только осуждаемые автором отрицательные персонажи, к каковым относятся все герои романа без исключения.

Автор имеет отношение к главному герою лишь в том смысле, в каком Флобер говорил: «Мадам Бовари — это я».

Впрочем, автор честно признается, что не читал Флобера.

Эта книга не обвинение и не исповедь.
И даже не попытка рассказать о поколении,
которое погубили кризисы и дефолты,
о тех, кто стал их жертвой,
даже если спасся от голода и нищеты.

Типа из Ремарка

Он умер сегодня.
Или, может, вчера — не знаю.

Типа из Камю

— Кажись, кокнулся хачикян,— сказала Настя.

Ее реплика возмутила меня отсутствием гуманизма и политкорректности. Я промолчал, но взглянул на подругу по-новому.

— Ладно,— сказала Настя,— жизнь продолжается.

— У кого как. В принципе, говорю, нет человека, который был бы как остров.

Настя поморщилась:

— Что за фигня?

— Смерть, говорю, каждого человека умаляет и меня.

— Чего делать будем?

— А хрена тут сделаешь?

Мы закурили и вышли под дождь.

Часть первая

I

Если вам не нужны деньги, значит, у вас нет желаний. Видимо, вы при жизни попали в нирвану. Погребальная традиция делает переход в иной мир экономически нерентабельным. Об этом знает любой похоронный агент, который в скорбную минуту раскроет перед вами рекламный проспект с гробиками и катафалками.

Выгоднее поддерживать жизненные силы. Я поддерживаю. К тому же меня не возьмут ни в нирвану, ни в рай. Я журналист, а с моей профессией туда не берут. А я люблю свою профессию. Потому что другой у меня нет.

Но мне нужны деньги.

Полюби — и будешь любимым. Я никогда не любил деньги. Они мне, в сущности, безразличны. Смешно рассчитывать на взаимность.

В принципе, деньги мне не нужны. На еду и выпивку хватает. В Африке живут люди, которым не хватает на еду. В моем дворе живут люди, ко-

торым не хватает на выпивку. В Йошкар-Оле я видел людей, которым не хватает ни на еду, ни на выпивку. А мне хватает. Грех жаловаться.

Давно доказано, что деньги лишь форма соперничества самцов за самок и территорию, вроде величины рогов у оленей или длины полового члена у обитателей городских окраин.

Деньги не влияют на качество жизни и удовлетворение потребностей. Самостоятельного значения они давно не имеют и утратили все другие функции, кроме измерительного прибора для определения координат человека на социальной лестнице.

Зарабатывай все кругом по двадцать долларов — имей свою сотню и чувствуй себя королем. Я зарабатываю больше сотни. К сожалению, «все кругом» еще больше. Хорошо хоть, что я живу не в Москве, а в городе трех революций и двух президентов, где представление о приличных заработках гораздо скромнее.

Раньше я увлекался политическим блуднем. Воевал с властью разных уровней и достоинств. Продвигал отдельных представителей политической фауны в депутаты. К счастью, безуспешно. А потом думаю: всё, хватит. Прощай, оружие! Я заключаю сепаратный мир.

Стал жить, как живется. Мира не перевернул и в тот, что есть, не вписался. Сначала хотел перевернуть, потом — вписаться. Потом — снова перевернуть. Поздно. Глупо впрягаться в одну упряжку с теми, кто родился, когда ты впервые познал женщину. Отойди, скажут, дядя, не мешай. И говори нормально:

— Трахнул.

Я, собственно, так и говорю, но сейчас мне нужны деньги.

Месяц назад я встретил Настю. До этого я полгода жил с Леной. Потом она ушла к кому-то из моих друзей. Не помню, к кому именно.

А я встретил Настю.

Стою на пешеходном переходе и думаю, что ни одна автосволочь меня не пропустит. Подходит она. С бутылкой «Холстен» и дамской сумочкой. Ставит пиво на землю. Говорит: «Ублюдок», — и бьет меня по лицу. Сумочкой.

Больно. Любой, кто носит очки, знает, что больно. К тому же тех, кто носит очки, обычно бьют по лицу без малейшего повода.

Я удивился, а она засмеялась.

— Извините, по-моему, я ошиблась.

— Что вы, — говорю, — я, пожалуй, и вправду ублюдок.

— Вполне возможно, но тот ублюдок вроде был без очков. Кстати, тебе без очков лучше. Дай зажигалку.

Она взяла зажигалку, открыла пиво и сунула зажигалку в карман. Я лишился зажигалки и душевного равновесия. Хуже того — я приобрел желания.

Настя требовала денег. Машина тоже требует денег. Но машина об этом не говорит. Ты сам догадываешься, или тебе подсказывают в автосервисе. Настя требовала денег либо молча, как машина, либо громко, как женщина. Я предпочитал, когда громко, потому что молчаливое требование денег худшая из пыток, придуманных человечеством в процессе эволюции.

Она ласково называла меня обсосом. Меня никогда до этого не называли обсосом. Потому что в

любой компании всегда находился более достойный кандидат.

Мне с ней тяжело. Она либо триндит без умолку, либо сутками молчит. Я думал, она обижается, и, в свою очередь, обижался, потому что обижаться ей было не на что. Потом вспомнил, что сам часто и подолгу молчу. И обижаюсь, когда на меня за это обижаются. Зачем говорить? Люди всегда раскрывают рот именно в тот момент, когда им нечего сказать.

Мы с ней похожи. Дурной знак. Нельзя любить девушку, похожую на тебя. В себе подобных влюбляются только самодовольные эстеты и педики.

Настя могла бы зарабатывать кучу денег. Грести лопатой, если бы этот инструмент хоть раз побывал в ее ухоженных ручках. Каждый день ей предлагали постоянные, временные и разовые работы. Она отмахивалась с безмятежностью стрекозы и упорством муравья.

— Ты знаешь профессора Плыща? — как-то спросила она.

— Нет.

— Тогда слушай. Профессор Плыщ работал на историческом факультете. Преподавал источниковедение, а по вторникам — вспомогательные исторические дисциплины. Принимал экзамены строго, но справедливо. О принципиальности Плыща ходили легенды. Он никогда не брал денег и даже оплату мобильного телефона принимал неохотно.

В день 68-летия Плыща Наташе попался вопрос «Сфрагистика».

— Кто такая Наташа?

— Неважно. Слушай дальше. Ей попался вопрос «Сфрагистика». Ты знаешь, что такое сфрагистика?

— Да.

— Тогда слушай дальше. Наташе попался вопрос «Сфрагистика». «Смешное название»,— подумала Наташа. «Какой ученый изучал новгородские граффити двенадцатого века?» — спросил Плыщ. Наташа молчала. Какой дурак будет изучать граффити, да еще двенадцатого века? «Смелее, девушка»,— сказал профессор. Наташа вздрогнула. Дважды. Слегка от смелее и посильнее от девушки. «Известная фамилия,— подсказал Плыщ.— Как у знаменитого певца». Наташа молчала. Она знала много знаменитых певцов, но не могла определить, какой именно. «Высоцкий,— сказал Плыщ и оскалился.— Неужели не знаете такого ученого?» «Нет,— честно сказала Наташа.— Я не знаю такого певца».

Плыщ был, что называется, фраппирован. Впервые в научной карьере он потребовал, причем не денег, а того, о чем мечтал еще студентом-заочником, но забыл получить в научно-исследовательском запале, поскольку запах рукописей в хранилище древних актов перебил запах женщины.

Короче говоря, Наташа согласилась, а Плыщ оказался... как бы сказать... не на высоте. То есть сам-то Плыщ оказался на высоте, а вот отдельные части тела... Может быть, аура кабинета сказалась, а может, портреты профессоров — участников Великой Отечественной войны. Инвалиды, герои и прочие льготники укоризненно взирали со стены на зарвавшегося профессора. Плыщ сплоховал.

Весь семестр Плыщ ходил сам не свой. Он думал, что Наташа пожалуется начальству, и его заставят писать докладную. Излагая позорные подробности происшествия.

Но Наташа не стала жаловаться. «Со всяким случается», — подумала Наташа.

История осталась без последствий. Наташа вышла замуж за аспиранта и неоднократно рожала ему детей. Понимаешь?

— Нет.

— Потому что, как говорил поэт, береги честь смолоду.

— Зачем?

— Тогда в старости можно расслабиться.

Я сказал, что история, безусловно, поучительная.

— К тебе она не относится. Ты и так без конца расслабляешься. Кстати, завтра мы идем к Норе Крам.

— Кто такая Нора Крам?

— Любовник Астандила Саломоновича Шрухта.

— Кого?

— Шрухта.

— Любовник?

— Да. Нора Крам — мужчина. Его зовут Марк Арон. Нора Крам — псевдоним. Марк Арон наоборот. Как это называется?

— Это называется *пидор*.

— Нет. Когда слово наоборот — это *палиндром* или как-то так. Не переживай, мы пойдем вместе. Нора Крам не принимает мужчин наедине.

— Бойтся не сдержаться?

— Типа того.

Мы пришли к Норе Крам вдвоем. Настя распахнула дверь с табличкой «Информагентство “Лун-

ный свет”». Странное название для информагентства.

На рецепшне вместо секретарши обитал молодой смазливый секретарь.

— Как вас представить? — не поднимая глаз, спросил он.

— Представь меня голой и в ванне,— буркнула Настя.

Молодой человек сделал пометку в блокноте. Мы прошли в кабинет.

Нора Крам вытер платком лысину, прыснул в рот какой-то мятной гадости и поцеловал Настю в губы. Я предусмотрительно протянул руку. Он не пожал.

— Анастасия сообщила, что вы профессионал.

— Смотри в чем.

Нора не улыбнулся:

— В обеспечении информпотоков.

Я кивнул. Увлеченный рассказом о личной жизни Норы, я забыл поинтересоваться, зачем, собственно, мы к нему идем. Впрочем, это неважно. Если Настя говорила *идем*, мы шли.

— Надеюсь, Анастасия сообщила, что мы продвигаем в информпространстве освежитель воздуха для гороступов.

— Чего?

— Гороступов, молодой человек, го-ро-ступов,— по слогам повторил Нора.

Я посмотрел на Настю. Она нахмурилась, опустила глаза и тихо сказала:

— По горам лазить. Вроде луноходов, только круче.

— Вы новичок? — спросил Нора Крам.— Я не имею нужды в новичках. Информсреда не терпит дилетантов.

Я собрался с мыслями:

— Не имел чести иметь информпрецедентов по освежителям.— И добавил на всякий случай: — Проблему гороступов знаю не понаслышке.

Вышло, по-моему, не ахти, но Нора подобрел и пригласил нас за стол. На столе лежали чертеж и журнал «Техника — молодежи» за восемьдесят третий год, откуда, видимо, идея гороступа и была позаимствована. Идея освежителя — вряд ли. В те годы на подобные буржуазные примочки не мог раскатать губу даже прогрессивный молодежный журнал. Я посмотрел на чертеж и сказал, что мне доводилось видеть более современные гороступы.

— Мне тоже, — зачем-то поддакнула Настя.

Нора Крам вдруг засмеялся. Первый раз, но основательно. Его четыре раза сгибало пополам. Пару раз подбрасывало. И один раз развернуло вокруг оси.

— Насмешили, — выдавил Нора Крам и от удовольствия попытался хлопнуть меня по плечу, но сдержался и хлопнул Настю.

Настя плюнула в него жвачкой.

— Ценю чувство юмора, — заявил Нора, — однако же к делу. Перед вами схема информпотоков.

Я посмотрел на чертеж. Он напоминал схему Бородинской баталии.

Нора Крам нес уже совершеннейшую околесицу. Из знакомых слов мне встретились *резистентная группа, ребрэндинг и когнитивный диссонанс*, которым Нора ежеминутно пугал потенциального покупателя. Я с трудом представлял себе потенциального покупателя освежителя воздуха для гороступа, о чем сообщил Норе.

— Наша группа — средний класс плюс. Надеюсь, это понятно?

Разумеется, мне понятно. Обсос из среднего минус задушится купить в гороступ освежитель.

Нора достал коньяк и налил в графин. Графин красивый, а коньяк, по моим ощущениям, средний класс ровно. Нору несло. Он захлебывался благородным напитком и возвышенным красно-речием:

— Когда я продвигал антипиар дератизации...

— Кто же вам платил, Нора? Крысы?

— Вот именно — крысы! Знали б вы, молодой человек, что это были за крысы! Что это были за крохи!

В речи Норы послышались подозрительные сатирические интонации. Он изображал одессита, который в кино играет одессита. Мне стало скучно.

Нора не унимался.

— Дурачок,— уже ласково обращался он ко мне,— информационное общество в прошлом. Как остался в прошлом снегоступинг, на смену которому пришел гороступинг. Мы живем в пост-информационном обществе. Информация потеряла свою ценность. Ее приходится втюхивать, как втюхивают третий айфон приехавшему на шопинг колхознику.

— Вы когда-нибудь видели колхозника, Нора? — спросил я.— Тем более приехавшего на шопинг за айфонами?

Нора не удостоил меня ответом. Он продолжал тираду:

— В информационном обществе люди готовы были платить за информацию. Через пару лет нам самим придется за нее приплачивать. Нам —